

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ ГОГОЛЯ?

Если верно утверждение Достоевского, что «все мы вышли из гоголевской «Шинели», то сам Николай Васильевич, конечно же, вышел из пушкинского сюртука, который был ему великоват. Это не какое-то отдельное повествование Пушкина, это весь блистательный, пышущий гармонией Александр Сергеевич. Это и «Руслан и Людмила», это и «Повести Белкина», это и «Борис Годунов», и «Евгений Онегин». В этих произведениях пушкинских Гоголь провидел резкость русских типажей и целостность художественной формы. То, что являет лицо великой литературы.

О родстве душ Александра Сергеевича и Николая Васильевича говорить не приходится. Они взаимоисключающи. Поэзия и проза никогда не найдут общего языка. Как лед и пламень. Если с Лермонтовым у Николая Васильевича еще можно уловить отдельные, далеко отстоящие переключки, то Пушкин и Гоголь вещи не совместные. Хотя в реальной жизни они общались. Правда, не близко, не доверительно, так, как Пушкин общался с друзьями лицейской вольницы Дельвигом и Кюхельбекером. Кстати, доверительных и личных отношений у Александра Сергеевича не было и со своим великим тезкой, Грибоедовым, хотя они «пересекались» на петербургских светских раутах. Это еще одна тайна Пушкина: его личное, душевное несближение с Гоголем. Сам Гоголь к такой очевидной невнимательности со стороны русского гения относился болезненно и ревниво.

В чем суть вопроса? Нет ли в природе самого Гоголя тех черт внутренних, что не позволяли ему устанавливать личные, человеческие, а не сугубо профессиональные, писательские отношения с собратьями по перу. И не только с коллегами по писательскому цеху. Но и с людьми вообще. Замкнутость Гоголя на собственном, внутреннем духовном мире, очевидна. Это резко обозначилось в последние годы писателя, времени его духовной смуты и метаний. Не от личной ли природы художественного мирозерцания Гоголя проистекает его сдержанность к внешнему проявлению человеческого, доброго, живого участия в общении с близкими и друзьями? Эта внешняя противоречивость и конфликтность в бытовом, личностном общении, заложена, видимо, в самой природе творческого гения. Природе его интимной созерцательности и внешнего отталкивания от всего, что не подлежит силе его художественной притягательности и осмысления.

В эдаком житейском срезе каждый гений - эгоист. Таковые качества присущи всем без исключения гениям русской литературы. Известно, что они, живя в одну эпоху друг с дружкой, печатаясь в одних литературных журналах, весьма живо и характерно собачились между собой, пикировались. То есть, ничто

человеческое гениям русской литературы не было чуждо. Так, Лев Толстой вызывал на дуэль Ивана Тургенева за его «демократические ляжки», Достоевским манкировал Николай Некрасов и круг литераторов, примыкавших к его журналу «Современник». К предмету нашего разговора: «За что я люблю Гоголя?» - тема межличностных коллизий имеет симптоматичное значение. Обычный человек, не только гений, так устроен, что в общении с себе подобными он эгоист. Чтобы кого-то любить, питать пристрастие, проявлять человеческое ли, дружеское ли участие, человек должен находить ответное искреннее расположение к своей персоне. В противном случае его эгоистичная натура бунтует. Это не относится к природе взаимных чувств между женщиной и мужчиной. Тут - все другое. Один может любить другого вполне без ответного чувства. В этом случае любовь и привязанность могут только возрастая и укрепляться.

У самого Гоголя были друзья, вероятно, на почве мировоззренческого сближения, либо в силу жизненных обстоятельств. Но это дружество вряд ли носило личный, подчас интимной доверительности, характер. Шевырев, Погодин, Александра Смирнова - в начальный период его литературной деятельности. Княгиня Зинаида Волконская и художник Александр Иванов - в период его многолетнего пребывания в Италии. Граф Александр Толстой, человек высокого благочестия, в последние, мятущиеся, болезненные годы Гоголя, в доме которого на Арбате Николай Васильевич и скончался. В этом доме ныне Библиотека имени Гоголя привечает любителей творчества писателя и поклонников русской словесности. Все это друзья близкородственного духовного общения. Личного, трогательного, нежного общения в жизни Гоголя не проглядывается. Здесь тайна. За исключением, пожалуй, его нежных писем из Петербурга к матери на заре его юности. Но это детство. Эта привязанность объяснима.

Чтобы полюбить Гоголя, за что-то, надо проникнуть в его художественную природу, в суть его творческого наследия. Это, понятно, не под силу обыденному сознанию, настроенному на волну сиюминутных радостей жизни. Гоголь - художественный гений. Нам остается любить его, либо отдельные его творения, на расстоянии, по тому живому отклику, который рождает в нашем воображении, в нашем сердце, его вечные образы литературных героев.

У меня большой вопрос к самому Гоголю: А любил ли он сам своих героев? А была ли в его жизни любовь? Почему в его основных произведениях нет темы любви? Любовь у Гоголя есть только в «Вечерах на хуторе...» Почему Гоголь обходил тему любви молчанием? Так, как будто любовь для писателя была заговоренным словом. Это очень странно. Для русских писателей это исключительная редкость. Кого мы вспомним из русских писателей 19-го века, кто бы замалчивал тему любви? Все вышесказанное приоткрывает для меня одну из граней природы Гоголя. То, что позволяет мне открыть свое видение писателя, и, значит, обнажить свои чувства к нему. Я люблю Гоголя за русскую реальность, воплощенную в слове. Русская жизнь запечатлена Гоголем хлестко, метко, выпукло, на века. Пока русское слово живо, оно будет подпитываться из родника Гоголя,

так же, как оно два века окормляется из кладезя Пушкина.

«Вечера на хуторе...» - самое живое, сочное, плотское творение Гоголя. В нем радость жизни, стихия. Но эта стихия перехлестывает в сторону бесовщины. Плутни и шашни с бесенятами (то, что потом мастерски развил Булгаков в «Мастере и Маргарите») мне не по душе. Но поскольку юный Гоголь на начальном поприще своего литературного пути использовал именно сюжеты с нечистой силой, - лихо, свежо, задорно, - то, что оценил по прочтении сам Александр Сергеевич, все это говорит о действительной укорененности мотивов «Вечеров...» в сознании, в душе Гоголя. Но нельзя не любить «Вечера на хуторе...» за юность, живость, сочность языка. Это как сладостные сны детства. Где намешано все.

Литературозрелый Гоголь времен петербургских повестей, «Ревизора» и «Мертвых душ» необычно хорош проникновением в суть характера русской жизни. Большею частью ее уродства. Гоголя в русской жизни почему-то привлекала ее теневая, уродливая сторона. Как и Достоевского. Может, поэтому Федор Михайлович обронил крылатое: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»». Может быть, Гоголь не видел в русской жизни красоты, или не хотел ее видеть? Ведь в малороссийских вечерах он эту красоту жизни, волнующую юной прелестью, видел и любовно ее описал в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Здесь еще одна тайна Гоголя. В эти тайны писателя можно заглядывать как в омут, но не сыщешь ответа, пока не погрузишься в него с головой. Только выплывешь ли обратно?

Последние, смутные годы жизни Гоголя, возможно, и есть переоценка своего жизненного пути и написанных им произведений. Гоголь - мастер художественной формы, в которую он облакал картины русской жизни. Не лубочные картинки, а реалистические полотна. Этой внешней выразительности Гоголь, конечно же, учился у Пушкина. Только у Гоголя нет света. Впрочем, нет и крошечной тьмы. Он посредине, меж светом и тьмой стоит со свечой своих произведений, которые светят, но не греют. Духовная болезнь Гоголя - это следствие его внутренней неопределенности. С кем он как художник: со светом, или с тьмой? То, что Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», явно показывает нам, что Гоголь отстранился от изображения тьмы русской жизни, но на причащение себя светом ее красоты у писателя не хватило ни сил, ни времени. Надо все делать своевременно. Я люблю Гоголя за еще один мазок, добавленный в полотно русской жизни кистью великого литературного художника.

Виктор Григорьев

18 ноября 2006,
Москва